

РЕЗОНАНС

“МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ” БЕЗ КОММУНИКАЦИИ?

© 2005 И.А. Стернин

Воронежский государственный университет

Межкультурная коммуникация — одно из направлений развития современной коммуникативной лингвистики, и в последнее время это направление все больше привлекает исследователей. Широко обсуждаются теоретические и практические проблемы практического обучения коммуникации с представителями конкретных этносов, выходит многочисленная литература по этим проблемам.

Современные представления о межкультурной коммуникации основываются на разных подходах к построению этой науки, а также демонстрируют некоторые принципиальные расхождения в вопросе о соотношении ее теоретических и практических аспектов.

В настоящее время разграничиваются межкультурная коммуникация как теоретическая наука (теория межкультурной коммуникации) и межкультурная коммуникация как прикладная наука, ориентированная на формирование межкультурной коммуникативной компетентности носителей того или иного языка.

В учебной аудитории преподавание межкультурной коммуникации в настоящее время осуществляется преимущественно на теоретическом уровне, прикладное же направление реализуется в немногочисленных тренингах по межкультурной коммуникации, в которых участвуют бизнесмены, предприниматели, политики, и которые еще далеки от совершенства. Массовое обучение межкультурной коммуникации еще не начато ни в одной стране.

Межкультурная коммуникация, кроме того, один из предметов в рамках направления “Лингвистика и межкультурная коммуникация” на языковых факультетах вузов. Западная традиция преподавания межкультурной коммуникации основана на междисциплинарном подходе к этой науке и на интерпретации ее как науки сугубо теоретической. При таком подходе курс межкультурной коммуникации включает сведения о различных подходах к культуре, типоло-

гию культур, сведения из этнографии, социологии, культурологии, социальной психологии. Такой курс носит теоретический характер и не направлен на формирование у студентов умения общаться в конкретной межкультурной среде, а лишь формирует у них представление об общении как одном из компонентов национальной культуры. Такие курсы читают этнографы, культурологи, психологи, антропологи. Такой подход мы обнаруживаем и в современной российской академической традиции, когда курс межкультурной коммуникации берутся читать культурологи, психологи, социологи, политологи. В этом случае упор делается на культуру, а не на коммуникацию, в результате чего данный курс оказывается разделом культурологии, а общение рассматривается лишь как компонент культуры, как одна из форм ее проявления наряду с другими формами.

Другой подход к межкультурной коммуникации в российских учебных заведениях основывается на том, что это курс, посвященный *коммуникации*, то есть курс коммуникативный, лингвистический. Курс межкультурной коммуникации включен в учебные планы факультетов иностранных языков, что и обуславливает его разработку как лингвистического курса. Следует также отметить многовековую традицию изучения российской лингвистикой проблем “Язык и общество” и “Язык и культура”, а в последнее время, с развитием когнитивной лингвистики, еще и проблемы “Языковая картина мира”. Второй особенностью российского подхода к преподаванию межкультурной коммуникации является тенденция придать ему определенную *практическую направленность*, включить в общую схему подготовки специалистов по иностранным языкам и разработать практические приемы формирования межкультурной компетенции у студентов.

В современной российской лингвистике и педагогической традиции, пусть еще небольшой,

представлены оба подхода, но поиски в этой сфере еще далеки от завершения, о чем свидетельствует вышедшее в Воронежском университете пособие Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой “Введение в теорию межкультурной коммуникации” (ВГУ, 2003, 368 с.), которое дает удобный повод поговорить как о содержании самой книги, так и о содержании и структуре науки о межкультурной коммуникации и проблемах ее преподавания.

На данное пособие мы отозвались рецензией в “Вестнике Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация”, № 2, 2004 г. В этом же выпуске журнала опубликованы и другие рецензии на данную книгу, а также статья Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой, по жанру выступающая как ответ на нашу рецензию. Публикуя свой отклик на данную работу, мы не рассчитывали на возникновение дискуссии, но дискуссия возникла, и это дает нам удобную возможность развить дальше наши соображения по проблеме изучения МКК и обучения ей, тем более что в своей рецензии мы не затрагивали теоретических проблем данной науки, сосредоточившись на методической стороне пособия и проблемах преподавания МКК в вузе. Позволим себе продолжить начатую дискуссию.

Сначала несколько слов по поводу методических основ, заложенных в рецензируемое пособие. Авторы пособия Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова, отвечая на нашу рецензию, в качестве основного своего постулата выдвигают идею о том, что предлагаемое ими пособие — это пособие нового типа, которое призвано развивать мышление студентов, навыки их исследовательской деятельности, и поэтому должно содержать преимущественно перечень проблем и материалов для самостоятельной работы студентов и вовсе не обязано содержать систематическое изложение основ науки. При этом авторы неоднократно ссылаются на западный опыт, западные традиции преподавания, в том числе и преподавания МКК.

Позволим себе признать совершенно правомочным создание пособий любого типа — лишь бы они помогали студентам получить соответствующие знания, но мы не можем согласиться с подходом, отрицающим необходимость систематического изложения содержания науки и ее терминологического аппарата в учебном пособии. Систематическое изложение науки — цель любого пособия и обязанность его авторов, в противном случае это не учебное пособие, а книга иного жанра. Кстати, и на Западе большинство учебных пособий по основным наукам именно систематического типа, хотя они и написаны

обычно “некатегорично”, содержат авторские подходы, предлагают много вопросов и заданий для обсуждения и дискуссий.

Необходимость дискуссий, самостоятельной работы студентов, их проектной деятельности несомненна, это никем не ставится под сомнение, но усвоение любой науки не может осуществляться только в этих формах, на выходе необходимо получить системное представление о науке, ее методах и категориальном аппарате, и роль учебника в этом, несомненно, ведущая, он должен эту возможность учащимся дать, что доказывает весь многовековой успешный отечественный педагогический опыт: в отечественном образовании учебник всегда являлся основой учебного процесса, основой систематического изучения любой науки, что долгое время и обеспечивало нашему образованию приоритетное положение в мире.

Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова, отвечая на наше соображение о чрезмерном большом объеме учебного пособия (почти 400 стр.) и трудоемкости многих заданий для студентов, отмечают, что студенты хорошо справляются с данным пособием. Разумеется, студентам предложено данное учебное пособие и они обязаны с ним “справиться”, студенты это умеют. Но вопрос в том, какие знания они вынесут в результате работы по пособию, кроме разрозненных сведений по общекультурным вопросам и впечатления, что МКК — очень интересная и в чем-то забавная наука, связанная со многими сферами человеческой жизни, и о ней интересно порассуждать с коллегами и преподавателем. Полагаем, что для большинства студентов итог обучения будет именно таким.

Но все только что сказанное относится к методической стороне обсуждаемого пособия, что мы уже достаточно подробно рассмотрели в своей упомянутой выше рецензии. Сейчас нам хотелось бы обсудить и некоторые теоретические вопросы, возникающие при чтении пособия.

Вычленим три основные теоретических проблемы, на которые невольно обращаешь внимание, ознакомившись с пособием Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой.

Первый вопрос, возникающий при знакомстве с пособием: что же такое межкультурная коммуникация — наука или учебный предмет? Или и то, и другое?

Теоретическая наука отражает результаты исследований ученых в определенной сфере действительности, и ее содержание определяется содержанием полученных научных данных. Теоретическая наука имеет свой объект, предмет, научные методы и терминологический аппарат.

Если соответствующая наука становится предметом преподавания, она выступает как учебный предмет. В вузах сложные теоретические науки, которые не были предметом изучения в школе, нередко делятся на два курса — элементарный (введение) и основной (теория) (ср.: теория языка — введение в языкознание, общее языкознание; теория литературы — введение в литературоведение, теория литературы). Аналогично, если есть “введение в теорию межкультурной коммуникации”, то должна быть и сама наука — “теория межкультурной коммуникации”. Авторы пособия упоминают “академическую” науку о МКК, но последовательно науку и учебный предмет не разграничивают. В своем пособии авторы пытаются совместить одновременно и элементарный курс МКК (введение), и основной курс (как разработку самой теории МКК, так и пособие по теории МКК). Отсюда определенный теоретический и методический эклектизм и выпадение книги как из заявленного жанра “пособие”, так и из жанра теоретического исследования по МКК.

Представляется, что современный этап развития науки о МКК уже может претендовать на подготовку монографий по теории МКК, с одной стороны, и пособий по МКК — с другой, причем как отдельного небольшого по объему *введения* в науку об МКК, так и учебного пособия *по теории* МКК. Попытка совмещения всех трех жанров изданий в одном представляется нам неудачной и научно бесплодной.

Второй принципиальный вопрос, который возникает при чтении пособия: что представляет собой теоретический аппарат МКК как науки, как он может быть систематизирован?

В пособии есть целый ряд отдельных интересных теоретических разграничений, представляющих теоретический интерес и продвигающих вперед теорию МКК.

Наиболее интересны и содержательны в книге в этом плане теоретические фрагменты, включающие предисловие и “Основные положения” в каждом из 7 разделов. Правда, из 368 стр. эти фрагменты занимают всего 28 стр., но именно они содержат некоторые авторские идеи о том, что такое МКК, какова ее основная единица, чем должна заниматься наука о МКК. В этих разделах высказан ряд важных для теории МКК положений. Так, представляется исчерпывающим предлагаемый авторами список задач, которые должна решать теория МКК (с. 22), плодотворна идея о дискурсивном событии как единице описания и изучения МКК (с. 21-22), исчерпывающе определен объект МКК (с. 326). Важна выдвинутая авторами идея о различии культуры и знания культуры, о возможности различий куль-

тур внутри национальной культуры, разграничение инкультурации и аккультурации и др.

Однако эти и другие теоретические понятия, теоретический аппарат науки об МКК в целом, к сожалению, в пособии никак не систематизированы, не представлены в виде хотя бы перечня и определения основных понятий. Авторскую концепцию МКК по пособию представить нельзя.

Предельно сжатый характер теоретических фрагментов приводит авторов пособия к ряду терминологических неточностей и несоответствий. Рассмотрим некоторые, с нашей точки зрения, наиболее заметные и существенные.

Так, на с. 21 утверждается: “Взаимодействие между коммуникантами как в рамках своей культуры, так и в межкультурном общении строится на стереотипах”. Более чем спорное утверждение: никакое общение не может строиться только на стереотипах, в нем обязательно есть личностная, индивидуальная составляющая, и весьма значительная; в общении огромную роль играет коммуникативная ситуация, общий контекст общения, состав участников коммуникативного акта, иллюкативные факторы и многое другое, что сплошь и рядом приходит в противоречие с ментальными и коммуникативными стереотипами и позволяет преодолевать их. Если бы общение строилось только на стереотипах, оно не смогло бы развиваться, эволюционировать, изменяться, варьировать.

На с. 82 авторы пособия утверждают, что концептуальная информация может кодироваться, кроме вербальных и невербальных средств, также и любыми материальными объектами. Но кодирование осуществляется в сознании человека, там нет материальных объектов, кодируют концепты *чувственные образы* вербальных, невербальных знаков и материальных предметов, но никак *не сами материальные объекты*.

Здесь же утверждается, что языковая картина мира представляет собой совокупность *механизмов* вербализации сведений о мире. На современном этапе исследований языковых картин мира разных народов представляется, что языковая картина мира — это не *механизмы* вербализации, а *результат* вербализации концептов национальным языком, зафиксированный в конкретном национальном лексиконе в виде слов, их значений и смысловых отношений.

В рецензируемой книге во многих случаях не различаются весьма существенные, как нам представляется, для теории МКК понятия:

- 1) картина мира (когнитивная, концептуальная) — языковая картина мира — культура;
- 2) культурология — лингвокультурология.

На с. 88 авторы утверждают, что одна из функций картины мира — именование. Имено-

вание — это функция *языка*, но никак не картины мира: номинативную функцию имеет *язык*, а не создаваемая языковыми номинациями картина мира. А на с. 116-117 авторы фактически отождествляют *картину мира с культурой*: как элементы картины мира рассматриваются такие чисто культурные факты, как деньги, дружба, курение, менеджмент, визитные карточки, представительские мероприятия, семья, застольные речи, развлечения, хобби, подарки и мн. др.

На с. 119 рассматриваются рекомендации по поведению в различных странах, а потом перед студентами ставится вопрос: создают ли эти рекомендации представления о *лингвокультуре*? Очевидно, что в данном случае речь должна идти о *культуре*, а не о лингвокультуре. И еще: на с. 226 признаки мужского и женского *поведения* трактуются почему-то как проявление *лингвокультуры*.

На с. 191 российским студентам предлагается задание “нарисовать” национальный “автостереотип” русского/британца/немца/американца/француза... Неясно, что понимают в данном случае авторы пособия под “автостереотипом”: представляется, что это стереотипное представление народа о себе и *автостереотип* могут “рисовать” только сами носители конкретной культуры (русские могут нарисовать русский *автостереотип*), но стереотип, нарисованный со стороны, автостереотипом быть не может, он уже будет гетеростереотипом. Кстати, раздел о стереотипах (с. 184) авторы почему-то завершают призывом к внимательному изучению национальных *ценностей*: следует ли из этого, что *стереотипы* авторы рассматривают как *ценности культуры*? Такой подход кажется нам необоснованным.

Есть и ряд других терминологических неясностей. Неясно, что такое “*конститутивная единица теории МКК*” (с. 326) — понятно, что речь может идти о конститутивной единице самой коммуникации, но никак не о единице теории или науки: в науке выделяются понятия и категории, а не единицы.

На с. 284 авторы указывают: “Некомпетентное владение языком общения является, безусловно, серьезным барьером для успешного межкультурного взаимодействия”. А каковы признаки компетентного владения языком и как отличить компетентное владение языком от малокомпетентного и некомпетентного? Это в пособии не раскрывается. Не объясняется, что такое “компетентное межкультурное взаимодействие” (с. 272) и каковы его параметры — представляется, что этот вопрос в теории МКК никак не может быть оставлен без ответа.

На с. 269 авторы пишут, что “коммуникативно релевантные знания составляют неотъем-

лемую *часть* коммуникативной компетенции индивида”. Неясно, что же еще может входить в коммуникативную компетенцию, кроме коммуникативно релевантных знаний.

Из изложения непонятно, что такое “интерактивное кодирование” (с. 272).

Неудачен термин “конфликт оценок” (с. 272) — представляется, что в коммуникации может наблюдаться не конфликт самих оценок, а конфликт (а точнее, противоречие) в оценочной интерпретации тех или иных фактов представителями разных культур, сами же оценки внутрикультурны и *конфликтовать* не могут. Конфликт возможен между общающимися, представителями разных культур, но не между оценками, зафиксированными в языке.

Многие теоретические положения, интересные для исследователя МКК, остаются в работе, к сожалению, чисто декларативными, не подтвержденными хотя бы примерами их практического анализа или описания. Так, в пособии осуществляется интересное и теоретически значимое разграничение контекстных, интеракционных и языковых знаний (с. 270-271). Авторами утверждается (с. 270), что контекстные знания “служат для определения типа актуализируемой коммуникативной ситуации”, “это знания, связанные с определением места и обстановки общения и степенью его формальности; с определением коммуникативного статуса участников общения, обусловленного социальными, коммуникативно-ролевыми и дистантными отношениями между ними; с темой/предметом общения”, а интеракционные знания определяют, что и когда следует говорить в рамках конкретного дискурсивного взаимодействия, какие типы речевых актов использовать. Языковые знания — это знания о том, какими средствами надо оформлять то или иное коммуникативное намерение.

Подобное разграничение видов коммуникативных знаний полезно и теоретически значимо (хотя, с нашей точки зрения, не вполне терминологически удачно — в *контекстном* знании, собственно, нет ничего от *контекста*), однако хотелось бы видеть в пособии хотя бы один пример комплексного анализа какого-либо акта межкультурной коммуникации, на котором можно было бы в целостном виде проследить взаимодействие выделенных типов коммуникативных знаний в акте межкультурной коммуникации.

В пособии мы находим многочисленные упоминания модных сегодня терминов “картина мира”, “культурология”, “когнитивный подход”, “концептосфера”, “менталитет”, “когниция”, “идентификация” и под. Эти термины, однако, не выстроены в пособии хотя бы в какое-то подобие *системы терминов*, чтобы мож-

но было представить основные понятия и категории науки о МКК в виде некоторого перечня базовых понятий, которые можно использовать для анализа межкультурного общения, а также предложить студентам для освоения и последующего контроля усвоения (учитывая, что рецензируемая книга называется авторами *пособием*, а иногда и *учебником*).

Вызывает удивление, что нигде в пособии не систематизированы коммуникативные барьеры — традиционная проблема межкультурной коммуникации (этот термин не используется авторами вообще), не систематизированы возможные причины культурного и коммуникативного шока — все это уже достаточно установившееся и общепринятые разделы теории МКК. Вместе с тем неоправданно большое место в пособии, с нашей точки зрения, занимают гендерная проблематика — эта проблема не представляется центральной для МКК; вне прямой связи с МКК и излишне подробно рассматриваются проблемы идентичности. Хотелось бы видеть в книге по межкультурной коммуникации некоторую систематизированную концепцию авторов, которую можно было бы обсуждать в целостном виде.

Третий вопрос, возникающий в связи с обсуждением пособия Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой, — где в пособии (и в науке о МКК в понимании авторов) собственно коммуникация?

Цель, постулируемая авторами пособия — “проникновение в сущность межкультурной коммуникации и выработка инструментария, позволяющего анализировать и адекватно описывать процесс и результаты взаимодействия представителей различных культур в тех или иных условиях интеракции” (с. 13). Таким образом, получается, что в работе “Введение в теорию межкультурной *коммуникации*” (выд. мною. — *И. С.*) не ставится задача изучения *коммуникации*, а ставится задача “описывать процесс и результаты *взаимодействия* представителей различных культур в тех или иных условиях *интеракции*” (кстати, неясно, чем отличается взаимодействие от интеракции).

“Межкультурное взаимодействие” рассматривается и упоминается в пособии на порядок чаще, чем “межкультурная коммуникация”. В связи с этим предмет науки о МКК расширяется до общекультурологического — взаимодействие культур (даже не лингвокультур), а собственно коммуникация занимает в пособии фактически периферийные позиции.

Коммуникативного аспекта в рецензируемой книге практически нет, упоминания о коммуникации в отдельных заданиях случайны и явно периферийны. Из 8 разделов, представля-

ющих в книге межкультурную коммуникацию, только два последних посвящены непосредственно проблемам коммуникации, да и там она занимает не центральное место — речь постоянно идет о межкультурном взаимодействии, а не о коммуникации.

Собственно раздел о теории МКК — самый маленький в пособии — идет последним, проблем коммуникации практически и там нет. В заданиях в этом разделе мы находим предложение авторов обсудить проблемы маркировки такси в разных странах, количество сахара, которое кладут в кофе разные народы, различные трактовки Гамлета в театрах, ритуал боя быков и под. К коммуникации все это никак не относится. Фактически во всем разделе только одно задание 10 на с. 388 связано с *коммуникацией*.

Порой создается впечатление, что именно коммуникативного аспекта в своем пособии авторы стараются тщательно избежать. Авторы, например, полностью игнорируют — и содержательно, и в библиографическом списке — имеющиеся многочисленные работы своих коллег, в том числе из Воронежского университета и других вузов, по национальной специфике реального коммуникативного поведения русских, англичан, американцев, немцев, французов, китайцев, финнов, славянских народов, даже монографии и сборники по коммуникативному поведению народов разных стран, в которых сами авторы принимали участие. Это не может не вызывать недоумения.

Рецензируемая книга в целом является классическим примером “прозападного”, общекультурологического подхода к МКК (что прямо признается и авторами рецензируемого пособия — МКК рассматривается ими как междисциплинарный курс, интегрирующий знания из разных гуманитарных областей — с. 325).

Разумеется, оба подхода к МКК — общекультурологический и коммуникативно-лингвистический — имеют право на существование с учетом степени их разработанности, национальных академических традиций и действующих учебных планов национальных учебных заведений. С нашей точки зрения, в российских условиях, с учетом имеющихся учебных планов и программ, а также с учетом традиций российской науки, большого опыта, накопленного российской наукой в изучении проблем взаимосвязи языка и общества, языка и мышления (здесь наш опыт значительно превосходит западный), целесообразно опираться в преподавании межкультурной коммуникации на коммуникативный подход, делать упор на коммуникативную значимость курса межкультурной коммуникации. Культурологический, междисциплинарный

подход к межкультурной коммуникации составит при этом один из разделов всего курса – теоретический.

Чисто культурологический западный подход представляется нам сегодня уже пройденным этапом науки, он выводит курс МКК из разряда лингвистических дисциплин, обезличивает его с коммуникативной точки зрения, лишает практической, прикладной направленности, не дает возможности разрабатывать методику практического обучения межкультурной коммуникации.

Позволим себе предложить свое видение курса межкультурной коммуникации для изучающих иностранные языки студентов (включая русский как иностранный).

Возможная структура курса межкультурной коммуникации представляется нам состоящей из следующих основных разделов.

1. Теория межкультурной коммуникации. В этот раздел войдут история науки о межкультурной коммуникации, основные ее направления, терминологический аппарат науки, основные методы исследований в сфере межкультурной коммуникации, взаимоотношения межкультурной коммуникации с другими науками.

2. Язык и культура. В этом разделе будет рассмотрено отражение в национальных коммуникативных системах национальной культуры народа – языковая картина мира, взаимодействие национального языка и общества, различия в языковых картинах мира, создаваемых разными языками, проблема соотношения языка и концептосферы народа.

3. Национальное коммуникативное поведение. Этот раздел будет посвящен описанию норм и традиций общения народа в сопоставлении с нормами и традициями общения других народов. Для изучающих английский язык релевантным будет описание английского и американского коммуникативного поведения в сопоставлении с русским, для изучающих немецкий язык – немецкое коммуникативное поведение в сопоставлении с русским. Этот раздел курса предполагает возможность создания системного описания коммуникативного поведения народа страны изучаемого языка в учебных целях – могут быть разработаны упражнения, направленные на формирование межкультурной коммуникативной компетентности, то есть на формирование адекватного коммуникативного поведе-

ния изучающего тот или иной язык в стране изучаемого языка.

Разработка приемов формирования межкультурной компетентности студента основывается на понимании коммуникативного поведения как одного из аспектов обучения иностранному языку – такого же равноправного аспекта, как чтение, письмо, говорение, аудирование и перевод. Данный подход реализован в исследованиях воронежского Межрегионального центра коммуникативных исследований в сотрудничестве с целым рядом кафедр отечественных и зарубежных вузов (Германии, Румынии, Финляндии, Сербии, Чехии, Словакии, Польши, Украины, Литвы); по результатам исследований вышло достаточно большое количество публикаций, в числе которых более 20 монографий, коллективных монографий и межвузовских сборников по русскому коммуникативному поведению в сопоставлении с коммуникативным поведением других народов.

На базе описания национальной специфики коммуникативного поведения возможна разработка приемов и упражнений по обучению коммуникативному поведению. Впоследствии могут быть разработаны тесты, позволяющие определить и оценить уровень межкультурной компетентности студента.

Подводя итог, сформулируем предлагаемое нами понимание межкультурной коммуникации как науки. С нашей точки зрения, межкультурная коммуникация – это самостоятельная лингвистическая наука, имеющая своим предметом национальные особенности коммуникации между разными культурами; она использует данные смежных наук – культурологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и др., но не является их составной частью.

Для факультетов иностранных языков и отделений русского языка как иностранного предмет “межкультурная коммуникация” чрезвычайно важен и должен дать студентам как теоретические сведения, так и практические навыки межкультурной коммуникации с представителями стран изучаемого языка.

Пособие Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой “Введение в теорию межкультурной коммуникации” дает хороший повод и материал для обсуждения актуальных теоретических проблем науки о межкультурной коммуникации и проблем ее преподавания.